

Елена Белова

ЗВЕЗДНЫЙ ДОЖДЬ

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б43

Белова Е.

Б43 Звездный дождь / Е. Белова — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 474 с. — (Звездный дождь).

ISBN 978-5-521-90105-0

В этом мире раз в несколько десятков лет начинается звездный дождь. Он приносит с собой что-то новое. Рожденные в эту ночь получают магический дар. Но судьба их, как правило, печальна. В этом мире становится все меньше магов, а те, кто ещё владеют этим искусством - полностью под контролем святого Ордена, который нещадно их эксплуатирует для собственной выгоды. Но если дети дождя на этот раз смогут встретиться раньше, чем до них доберутся? И узнают, как появился Орден и как жили маги раньше... Что предстоит им пережить, какие препятствия преодолеть, чтобы дать магам новую надежду? Их всего шестеро, а против них могущественный Орден. Кто же победит, Добро или Зло?

BIC FM
BISAC FIC009000

©Елена Белова, текст, 2023
© Наталья Никонова, обложка, 2023
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-90105-0

Ступени лестницы были не из гранита, а из мореного дерева. Говорят, южный народ саюри к тому же натирает это дерево особыми смолами. Поэтому изделия из него не портятся жучком, не гниют и не выветриваются. Только древесные узоры со временем проступают ясней — будто под медвяным воском.

Редко, ох редко из такого материала делали лестницы. Разве что в очень богатых домах. Или здесь, в башне Опоры.

Мягко ступая, послушник Митрес прошел последний пролет драгоценной лестницы и вышел на обзорную площадку. Тот, кого он искал, был здесь.

Силуэт мужчины в зелено-коричневой, а теперь просто темной мантии почти сливался с чернотой небес, и сначала непривычный взгляд уловил лишь участок темноты на краю площадки. Темноты, словно проглотившей несколько звезд. Потом глаза Митреса уловили седые волосы, рассыпанные по плечам, и неясно белеющие в темноте кисти рук.

Опершись на камень башенной ограды, провозвестник Михел, Верховный Провозвестник Ордена Опоры, любовался звездным небом.

Митрес помедлил с обращением, ожидая, когда его заметят. Да, его послали, причем не кто-нибудь, а Проводник Диск, но вторгаться в размышления Верховного...

— Да, Митрес?

Заметил.

— Я...

— Потом. Иди сюда. Посмотришь звездопад...

Вот это да!

— Но разве... учитель, разве он сегодня?

— Да... Это мой последний.

Но предупреждения ведь не было. Говорят, что Орден всегда рассылает предупреждение по всем крепостям... Он ведь не мог пропустить такое сообщение?

— Но я...

— Все подождет. Смотри. Начинается...

Иссиня-черное небо прорезала первая золотистая полоска. Рассыпая нежные, еле заметные искры, она коснулась кромки черного леса и растаяла. Но в небе уже расцветали три новые. Серебряная, алая, белая... И еще, и еще. Сверкающие линии пересекались, расходились, вспыхивали целыми роями, кипели дождем разноцветных искр. Словно там, где-то наверху, порхала, отряхивала перья стая сказочных огонь-птиц...

Забыв обо всем, затаив дыхание, Митрес смотрел на это огненное действо. Красиво. Как же красиво...

Он знал, что такие дожди бывают не каждый год... кажется, раз в тридцать семь лет... или раз в пятьдесят семь... что в это время все нормальные люди стараются прятаться под крыши... но сейчас об этом не думал. Просто смотрел, как полыхают в небе огненные змеи и расцветают пламенные лилии.

Звездный дождь.

Он стоял и смотрел... смотрел...

Пока сзади не послышался топот.

— Провозвестник Михел! — яростно прошипел знакомый голос. — Почему? Вы знали! И вы...

Провозвестник не обернулся. Легко прошуршала зеленая мантия — Михел пожал плечами.

— Да, не сказал. Не захотел.

— Вы... выживший из ума старец! Вы понимаете, какой это риск?!

— Да, — темные глаза старика отражали поредевшие вспышки гаснущего звездопада. — Да... Мне бы только знать, правильно ли я поступил...

Год спустя. Лиддия. Селище Прудниково.

— Какого числа родился ваш ребенок?

— Дык, господин... кто ж такое отмечает? — Мужик комкал в руках шапку и смотрел на стол приезжему орденцу. Там почти ничего не было, только свиток, перо-трубочка и кувшин. Как раз кувшин притягивал внимание мужика с неодолимой силой. Селищанин сам видел, что посудину приезжему принесла не кто-нибудь, а тетка Китра. А уж у нее зерновуха... язык проглотить. — Летом. Травы косили неделю. Вернулся — а он тута вот.

— Может, жена отметила?

— Не, господин. Звиняйте пожалуйста... — мужик адресовал кувшину виноватую улыбку. — Баба, известное дело... того она. Без понятия. Да и не по обычаю то. Сами знаете.

Кувшин остался безответным — наверное, не знал. А вот орденец почувствовал, как закипает от злости. Проклятые приметы — не отмечать дату рождения ребенка! В домах новорожденных даже календари сжигали, чтоб не дай Судьбина, не проболтаться. Считалось, что если злые духи узнают про нового человечка, то до наречения первого имени погубят и его, и родителей. Орденцы боролись с суеверием как могли, но в городах и то получалось плохо, а уж тут... попробуй втолкуй тут что-то, если впрямую говорить нельзя.

В городах, кстати, пытались объявить награду, но тоже без толку — желающие заработать орденскую денежку приволокли и своих младенцев, и чужих, и вовсе не младенцев. Бывали случаи, что даже пятилетних-семилетних притаскивали, жадобы.

Нет, без толку, все без толку. К тому же лишние слухи Ордену ни к чему. Да и хлопоты. Придется подождать.

— Ладно, иди.

— Прощайте, — мужик старательно поклонился кувшину и осторожно закрыл дверь, не подозревая, что уже спустя пушинку тот с грохотом разобьется о стену. Орденцы тоже люди.

Шесть лет спустя. Лиддия. Селище Пригорки.

— Латка! Латка! Девчонка ты негодная, а ну поди сюда! Латка!

Молодая женщина сердито запахнула на груди рубаху и, осторожно ступая босыми ногами по росной траве, подошла к ближайшему малиннику.

— Лата! Иди в дом, маленький плачет!

Девочка в старой, перешитой из материной, рубашке сжалась на ветке дальней груши редкостного сорта «златеника».

Маленький каждое утро плачет. И каждую ночь. Она уже замаялась и петь, и колыбельку качать. А груша ранняя, ее сегодня оберут, и все, попробовать даже не получится. Отец строго-настрога запрещает трогать — ведь в городе за каждую такую грушу одну резку дают. Целую медную монетку! Урожай продашь — богатым станешь. Вот тогда можно будет и поесть вволю, и новую рубашку справить, и даже, может, настоящую конфету съесть — леденец, городской, всамделишный!

Правда, пока богатство почему-то запаздывало — то маленький родился, то отец с кем-то об заклад побился — пришлось платить, то родичи на постройку избы одолжили, а сами «с дождиком смылись». Словом, ни денег, ни груш. Только паданцы зеленые. Но они ж невкусные.

А Лата уже неделю как присмотрела себе грушку — с румяным бочком, блестящую на солнце. Неужели не удастся попробовать?

— Ах вот ты где, негодница! — голос матери неожиданно слышался совсем рядом, и девочка резко подалась назад, нечаянно сшибив локтем одну из груш.

— Ой...

— Что там у вас? — на крыльцо, зевая, вышел отец. — Ах ты, злодейка!

И тут хрустнула целая ветка...

Город Алта.

— Ваша милость! Тир! Проснитесь!

— М-мммм...

— Ваша милость! Вы велели разбудить вас на рыбалку!

— Уже не велю. Уйди.

Слуга удалился, тихо прикрыв дверь, но сон не вернулся. Глупый какой сон. Про груши, про девчонку с облупленным носом. Во трусиха... Свалилась она с того дерева, что ли? И глупая. Почему она не потребует эту грушу? Надо требовать, тогда дадут. Не понимает, потому что девчонка.

Тир повернулся на постели, не удостоив взглядом резное блюдо, полное груш и орехов. И уплыл в другой сон, приятный и привычный — про то, что с границы вернулся папа...

Зартхэ. Город Сишша.

Утренний холодок чуть пощипывал босые ноги.

Смотритель над рабами зевнул — солнце только поднималось — и спешно сотворил над раскрытым ртом охранительный знак, чтоб не влетело порождение Злиша, третьего, лишнего божка, не внесло порчу. Жалко. Син бы хотел, чтоб с нехорошим человеком, который обижает маму, случилось что-то плохое. Хоть немножко. Он вздохнул. Пока ни одного порождения он не видел. Может, их надо приманивать, как рыбу или птичек? Он ковырнул пальцем ноги камушки на утоптанной площадке. Почему они так долго стоят?

— Твоему сыну шесть, Асанка?

— Да, смотритель.

Рука у мамы почему-то дрожала. Син сердито покосился на злого дядю. Ну почему он всегда командует? Мама умная, почему она его слушается?

— Что ж, пора ему поработать немного?

— Господин...

— Пора-пора. В помощники пойдет, покамест... — взгляд смотрителя неодобрительно скользнул по исцарапанным ногам мальчишки, по серым от пыли подошвам. Мальчишка зыркнул глазами и спрятался за мать. — К... — большие темные глаза Асанки с мольбой смотрели на смотрителя, и он довольно благодушно улыбнулся — нравилось ему ощущать свою власть в таких случаях. — Пожалуй, что к кладовщику.

Асанка только успела облегченно выдохнуть — место хорошее, перебирать зерна-травы-плоды под силу ее сыну — как смотритель зло зашипел и отшатнулся. Один из поддетых Сином камушков оказался вовсе не камнем, а затаившимся жибком, крупным прыгучим жуком. Жибок, который с ночи затаился здесь, прячась от летучей крысы, наверное, решил, что до него таки добрались. Он подскочил, с треском расправив крылья, и с жужжанием пронесся над смотрителем, оросив его рубаху и жилет пахучей черной жидкостью — слезовкой, как ее называли.

Смотритель проводил взглядом это злишево наказание, потом разглядел свой рукав, испакощенное шитье на жилете (а главное — унюхал) и полоснул по мальчишке таким взглядом, что Асанка повалилась на колени.

— Господин смотритель!

Тот скрежетнул зубами, но сворачивать шею отродью Асанки не стал. Во-первых, не его имущество, во-вторых, Асанка мастерица по тканью и кружеплет отменный, такая любую вещь в драгоценность превращает. Кому надо, чтоб

такая работать не смогла из-за переживаний по ребенку? Так что он просто рывкнул:

— Марш на работу! Госпожа ждет свою накидку. А этот... этот таки пойдет к кладовщику. Но сначала — выпороть.

Миридда. Город Златоград.

Взрослые так любят спать! И ночью спят, и даже днем иногда. Дан их не понимал. Ведь в жизни столько интересного!

Сколько яиц в гнезде синеперой птицы под окном? Что такого у лошадей на ногах и как им удалось надеть эти железки? Почему пушинка сгорает сразу, а нитянка — погорит, потом перестанет? И почему нельзя прогнать с неба противного Злиша, если Судьбина и Дар, старшие боги, такие сильные?

Эх, папа и мама ничего не понимают.

Сняв сына с дерева (яйца он, правда, все-таки пересчитал — пять!), вытащив из-под копыт у коня, загасив небольшой пожарчик и заплатив Храму откуп за «невнушение отроку благих помышлений», родители решили, что сыну нужен присмотр, и попробовали нанять менторов.

Дану это не понравилось. Вредные дядьки ходили за ним по пятам, говорили глупости и пробовали даже поколачивать, когда родителей дома не было. Троиш Дан выжил — хватило раков в постель и жуков в пиво. Еще трое ушли сами — один, когда Дан полез ловить кота (кот, кажется, решил, что ментор — дерево, и вскарабкался ему на голову). Второй держал месяц и удрал после первой же выплаты денег. Дан тогда услышал его слова: мол, хорошо бы, чтоб на монетах вместо королевы был король (король ставился на десятках, а лицо королевы на одинарках). Мальчик решил помочь ментору, утащил на папином складе гвоздь и целую свечу нацарапывал лицам на монетах усы и бороды. Глянув на переправленную плату, ментор почему-то не обрадовался — спа-

сибо даже не сказал! — а удрал в момент. И даже украшенные деньги не взял...

Третий сбежал после того, как Дан пропал. Вообще-то он не пропадал, а искал винную змею — тот ментор сам рассказывал, что они водятся в старом вине, и если постучать по бочке и сказать нужные слова, то из крана выползет алая змея. И желания выполнит. А у Дана было одно желание, очень нужное — чтобы папа никуда не уезжал. Но папа был купец, и по «торговым делам» уезжал часто. Так что у бочек мальчишка застрял надолго. Когда поднялся из подвала во двор, слуги, мама и стража успели обыскать полгорода, а ментор — удрать, чтоб не посадили за недогляд или похищение ребенка.

Больше ни один из златоградских менторов к ним не нанимался. А мама с папой сердились и говорили, что Дан загонит их в саван. Ну что он такого делает?

Интересно, а правда, что у летучих крысок есть королева?

Аранция. Город Улева.

— Клод! Кло-од! — госпожа Надин, супруга городского лекаря, растерянно оглядывала двор. Клод такой послушный мальчик. Куда он мог деваться? А если его украли? А если...

— Я здесь, мама, — слышался тихий голос, от которого в голову бедной женщины сами собой полезли нехорошие мысли о непокойных и подземных обманках — потому что голос шел прямо из-под ног. Через пушинки три Надин сообразила, что под ногами не земля, а деревянное крылечко... и еле спустилась на ослабевших ногах по просмоленным живицей доскам. Под крыльцом было полутемно, темноту прошивали только просочившиеся солнечные лучи — тонкие, в нитку. На белой рубашке сына чуть светились пятнышки от них — как звездочки

— Клод? О Дар, что это у тебя?